

Арабский национализм в Палестине в начале XX в.

Л.М. Самарская

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

В статье рассматривается вопрос возникновения арабского националистического движения в начале XX в. Эта тема актуальна и в настоящее время, поскольку для понимания политических и социальных процессов, происходящих на Ближнем Востоке в XXI в., необходимо изучить их истоки и основания. Главные проблемы, к которым обращается автор – какие факторы в наибольшей степени повлияли на зарождение арабского национализма (как его панарабского, так и регионалистского проявления), когда именно он сформировался в полной мере и каковы были особенности его возникновения в Палестине.

В зарождении и формировании арабского национального движения в начале XX в. автором выделяется три основных периода. Первый – Нахда, арабское культурное возрождение второй половины XIX в., которая стала неким фундаментом для более позднего развития националистических идей. При этом автор старается показать, что культурное возрождение само по себе ещё не было вполне националистическим, хотя и сыграло важную роль в целом. Второй ключевой период – политическое оформление национального арабского движения в первые десятилетия XX в., решающее влияние на которое оказала оттоманистская, а затем пантуркистская политика властей Османской империи, националистическая по своей сути. Сионизм, как указывается в тексте, до Первой мировой войны был не столь важной темой для зародившегося панарабского движения, хотя в Палестине он постепенно начал вызывать беспокойство местных жителей. Третий ключевой момент, ставший решающим в арабском национальном развитии, – «Великое арабское восстание», которое, хоть и не было достаточно массовым и всеобъемлющим, помогло панарабскому движению выйти на международную арену благодаря тому, что оно привлекло к нему внимание великих держав – в значительной степени благодаря переписке Мак-Магона – Хусейна. В итоге в ходе послевоенного урегулирования панарабизм стал более массовым и международно признанным явлением, хотя в итоге он оказался раздроблен на множество региональных движений, в числе которых был и палестинский национализм, что не в последнюю очередь было связано с англо-французским разделом Ближнего Востока на зоны влияния.

В целом формирование арабского национального движения было многоплановым и постепенным явлением, влияние на которое оказывали разнообразные факторы. При этом своя специфика была и в возникновении региональных групп, которые, будучи поначалу частью панарабизма, хоть и со своими особенностями,

УДК 94, 172.1

Поступила в редакцию: 28.06.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

в период после Первой мировой войны стали в значительной степени самостоятельными.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабский национализм, панарабизм, Нахда, пантюркизм, Палестина, сионизм, Великое арабское восстание, Первая мировая война

XX в. стал эпохой национального пробуждения народов Востока – по аналогии с националистическими движениями в Европе в XIX в. Ближний Восток не стал исключением: зародившиеся в его рамках пантюркизм и панарабизм, а также привнесённый извне, но игравший одну из ключевых ролей сионизм стали главными националистическими движениями, во многом сформировавшими его образ и реалии, существующие в наши дни. Однако, несмотря на то, что вопрос турецкого, арабского и еврейского национализма, а также их взаимодействия и взаимовлияния неоднократно рассматривался исследователями в течение целого столетия, до сих пор нет очевидного ответа на вопрос, какие именно факторы в наибольшей степени повлияли на возникновение и развитие арабского, в частности палестинского, национализма, какое из подобных ему движений воздействовало на него сильнее (пантюркизм или сионизм) и каковы были его особенности с учётом специфики исторического периода.

Одним из главных вопросов, которые стоят перед исследователями, заключается в следующем: был ли арабский национализм реакцией на сионистское движение и его приход на Ближний Восток или же он возник под влиянием других факторов? Когда обособленно возник палестинский национализм и можно ли было его выделить на начальных этапах развития арабского национального движения? Как вообще изменилась социополитическая расстановка сил на Ближнем Востоке в начале XX в. (до, во время и после Первой мировой войны)? В настоящей статье автор постарался выявить основные противоречия, связанные с указанными вопросами, и, по возможности, дать свой ответ на них.

Тема арабского национального движения в той или иной форме рассматривается уже на протяжении столетия. Первой работой, исследовавшей его в полной мере, было «Арабское пробуждение» Джорджа Антониуса, которая и сейчас считается одной из базовых при изучении этой темы. Не все постулаты, выдвинутые автором, являются общепринятыми в наши дни, однако его исследование до сих пор сохраняет фундаментальную значимость. Одним из базовых вопросов, поднятых Дж. Антониусом в его работе и активно рассматриваемых исследователями, является проблема периодизации зарождения арабского национализма. Ответы на него порой даются полярные. Например, сам Дж. Антониус возводит истоки арабского национализма к первой половине – середине XIX в., считая, что и литературные кружки, появившиеся в тот период, можно считать вполне националистическими (Antonius 1938: 53-55). Суще-

ствуют и относительно современные исследователи, которые придерживаются аналогичной позиции – например, Абдэльазиз Айяд (автор книги «Арабский национализм и Палестинцы (1850-1939)»), полагающий, что политическая сознательность арабского населения Османской империи в целом и палестинских арабов в частности проявлялась уже в подобных научно-литературных обществах (Ayyad 1999: 33-34). Другие историки с этим не согласны – автор работы «Противостоя империи, создавая нацию: арабские националисты и народная политика в подмандатной Палестине», американский учёный Уэлдон Мэттьюз считает, что до 1910-х – 1920-х гг. XX в. сложно говорить об арабском национальном движении, поскольку вплоть до выхода на ближневосточную арену европейских держав после Первой мировой войны оно не носило массового характера, будучи ограничено лишь незначительными группами интеллектуалов (Matthews 2006: 3-4).

Ещё один важный вопрос – основные факторы, воздействовавшие на появление как панарабского, так и специфически палестинского движения. В этом плане среди исследователей также нет единства во мнениях. В то время как многие историки сходятся в том, что Нахда, арабское культурное возрождение, сыграла в этом определённую роль, не все готовы признавать значимость религиозного фактора в этом плане. Бернард Льюис, автор «Арабов в истории», делает больший акцент на деятельности христианских миссионеров (Lewis 2002: 190), в то время как тот же Уэлдон Мэттьюз уверен в равной значимости деятельности христианских и мусульманских реформаторов (Matthews 2006: 12-13).

Однако главный вопрос заключается в том, какой из социо-политических факторов оказал наибольшее влияние на появление арабского национального движения: сионизм или же оттоманизм и пантюркизм (или турецкий национализм). Мнения исследователей по этому поводу бывают противоположны. Наиболее распространённой позицией ещё некоторое время назад была идея о том, что арабское движение развилось в ответ на сионизм, как реакция на потенциальное создание еврейского государства в Палестине – так считают в том числе Йехошуа Порат, израильский исследователь, автор работы «Возникновение палестино-арабского национального движения (1918-1939)» и Джеймс Гелвин, американский востоковед, автор книги «Современный Ближний Восток». По их мнению, палестинское движение появилось в качестве самостоятельного течения лишь после Первой мировой войны в ответ на сионистскую программу, до этого будучи частью панарабского национализма (Porath 1974: 20-24; Gelvin 2011: 221-222). Сейчас же распространена другая концепция, представленная в статье палестинского исследователя Мухаммада Муслиха «Арабская политика и подъём палестинского национализма», в соответствии с которой особый палестинский национализм появился ещё до Первой мировой войны (Muslih 1987: 77-78), однако стал самостоятельным течением только после неё, поскольку обстоятельства сложились таким образом, что Палестина оказалась отделена от Сирии, основы арабского движения в тот период. На возникновение же его

в целом в наибольшей степени повлияла пантюркистская политика османских властей, вызвавшая ответную реакцию арабского населения – об этом пишет российский исследователь Григорий Григорьевич Косач в статье «Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса» (Косач 2007: 267-268).

Нахда, арабское культурное возрождение

Основы для арабского национального возрождения были заложены ещё в середине XIX в.: именно тогда была значительно улучшена система образования, стали появляться европейские школы (Antonius 1938: 37-40). Первые националистические идеи появились среди арабов-христиан под влиянием французских и американских миссионеров-просветителей в Сирии и Ливане. При том, что для них был характерен скорее регионализм, некоторые панарабские идеи среди них прослеживались. Принадлежность к арабам в целом определялась на основе не столько этнической, сколько лингвистической и культурной общности. Религия при этом, как ни странно, не играла разделяющей роли: до-османское исламское наследие воспринималось как общеарабское вне зависимости от вероисповедания определённой арабской группы (Joffé 1983: 162).

Значительную роль в создании базы для развития национального движения сыграло арабское культурное и литературное возрождение (так называемая Нахда): был обновлён арабский язык, в нём появились слова для новых идей и явлений, стали активно развиваться арабские печатные издания, на арабский стали переводить европейскую литературу, на нём стали писать исторические романы (Matthews 2006: 11-12). Это создало общий культурный контекст для арабоязычающих жителей Ближнего Востока (как мусульман, так и христиан): они смогли ощущать себя частью единой среды, разделяющей близкие ценности, обладающей сходным историческим наследием и, что самое важное, единым настоящим (как известно, периодические печатные издания в Европе стали одним из факторов конструирования наций (Anderson 2006: 24-25); схожую роль они сыграли и на Ближнем Востоке).

По мнению палестинского исследователя Абдэльазиза Айяда, арабское национальное движение в начальной форме проявлялось уже в сороковые годы XIX в.: это характеризовалось политической сознательностью и идеей о независимости от Османской империи (в частности, среди арабов Палестины). Одним из признаков он также называет появление литературных обществ (например, «Сирийского научного общества», созданного в 1840-е – 1860-е гг.), целью которых было «возрождение арабской литературы, языка и наследия» (Ayud 1999: 33–34). С его точки зрения, даже литературные кружки, созданные в этот период, были ориентированы преимущественно на политические вопросы (там же). Однако не все исследователи с ним согласны: например, Йехошуа Порат, израильский историк из Еврейского университета, полагает, что недовольство

османской администрацией в то время могло быть вызвано реформами Танзимата, а также общим недовольством населения, которому «не хватало политического самовыражения», а не пробудившимся национально-политическим самосознанием (Porath 1974: 22).

Если периодические издания, светские школы, развитие литературы стали фактором, значительное влияние на который оказывали западные идеи и ценности, применённые на ближневосточной почве, то салафизм стал внутренним движением, которое многое привнесло в развитие арабского национального самосознания. Возникнув на базе ислама, он имел черты своеобразного арабского Просвещения и сочетал их с мусульманскими пророческими концепциями. Его идеологи призывали возвращаться к истокам, связывали настоящий ислам с арабской культурой, и поэтому считали необходимым изучение арабского языка, классической литературы, науки для возрождения истинного ислама (Matthews 2006: 13). Для привлечения на свою сторону молодых арабов, в целом стремившихся к светскости, сторонники салафизма в Сирии поддерживали распространение современного образования и более свободного выражения мнений. А их идея об особом статусе арабов среди всех мусульман была в принципе привлекательна для зарождавшегося этнического самосознания сирийцев (Commins 1986: 409).

Зарождение арабского национализма

По мнению британо-американского историка Бернарда Льюиса, на возникновение арабского национализма оказали влияние несколько факторов: во-первых, растущее недовольство политикой турецких властей; во-вторых, недоверие к нараставшему влиянию Запада; в-третьих, влияние европейских националистических идей; в-четвёртых, возрождение арабского языка и культуры. Последнее он связывает преимущественно с деятельностью арабов-христиан, отмечая, что для арабов-мусульман «две формы самовыражения [национального и религиозного] не были в полной мере разделены», в то время как христиане не могли солидаризироваться с идеями панисламизма, характерными для мусульман, а потому должны были искать другую форму объединяющей идентичности (Lewis 2002: 190). С точки зрения автора настоящей статьи, Б. Льюис умаляет влияние реформированного ислама на возникновение общеарабского движения: в пользу значимости его роли говорит несколько факторов. В первую очередь, само соотношение христианского и мусульманского населения на Ближнем Востоке¹ не позволяет преуменьшить бóльшую влияние общин, исповадовавших ислам. Ещё один фактор, который необходимо учитывать – деятельность исламских реформаторов, которые одними из первых выдвинули идею о желательности независимого развития арабского народа, а также разде-

¹ К примеру, в конце XIX в. около 16% населения Палестины составляли арабы-христиане (Mandel 1976: xxi).

лении светской и религиозной власти (например, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, речь о котором пойдёт чуть позднее). По мнению автора, деятельность христианских арабских просветителей и мусульманских арабских реформаторов были равноправными источниками арабского национализма на Ближнем Востоке.

Хотя многие идеи арабского национализма (а скорее его национально-конфессиональной основы) зародились в Египте², именно на территории Сирии и Ливана наиболее явно проявлялись новые тенденции (как панарабские, так и регионалистские), которые вступали в противоречие с идеями оттоманизма. Уже в 1860-е гг. там возникло несколько движений (вскоре исчезнувших), выступавших за независимость или автономию Ливана и Сирии соответственно. Однако они всё ещё не были в полной мере националистическими: одно выступало преимущественно на стороне арабов-христиан, а другое практически исключительно состояло из арабов-мусульман (Dawn 1991: 8), а то время как в полной мере сформировавшееся позднее панарабское движение включало в себя как христиан, так и мусульман.

Наряду с египетским исламским реформатором Мухаммадом Абду, существовал другой деятель, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849-1902), уроженец Сирии, который считается предтечей панарабизма. Убеждённый в том, что именно возврат к истинному исламу мог возродить арабский народ, он в то же время считал необходимым разделение светской и религиозной власти, что делает его, таким образом, основоположником светского направления исламского реформизма. Именно это течение, использовав базовые положения ислама и трансформировав их, стало одним из оснований для возникновения светского панарабизма среди населения Ближнего Востока (Arab Nationalism 1974: 25-27; Dawn 1991: 9).

В то время как еврейский национализм формировался в европейском контексте, арабский возник в рамках оттоманизма и отчасти как ответ на него: поскольку арабы были встроены в османскую административную систему, они невольно знакомились с новыми идеологическими тенденциями (на которые повлияли и западные идеи) в её рамках. Оттоманизм (провозглашённый в рамках реформ Танзимата) можно назвать особой формой национализма: он должен был объединить и уравнять всех подданных османского султана – вне зависимости от их происхождения и религии, а также включить их в административную, судебную и образовательную систему (Matthews 2006: 11; Evered 2012: 3-5). Несмотря на его эгалитаристские цели, он не встретил значительной поддержки среди жителей Османской империи: мусульмане были частично лишены привилегированного положения (Al-Azmeh 1995: 14), меньшинства же восприняли это как препятствие для самоуправления и вторжение во внутреннюю жизнь их общин (Evered 2012: 14). Естественно, эти настроения были тем

² Одним из реформаторов ислама и, соответственно, основателей концепции новой арабо-мусульманской идеологии был Мухаммад Абду (1849-1905), египетский религиозный и общественный деятель, который также был сторонником египетского территориалистского национализма (Matthews 2006: 13; Dawn 1991: 8).

или иным образом восприняты и городским (преимущественно) населением на территории Палестины (Matthews 2006: 11).

Первым проявлением политической позиции зарождавшегося национального движения стала работа сиро-ливанского маронита Неджиба Азури «Пробуждение арабской нации в турецкой Азии» («*Le Réveil de la Nation Arabe dans l'Asie Turque*»), опубликованная в Париже в 1905 г. В ней он призывал к провозглашению независимости арабского национального движения и к созданию им государства вне рамок Османской империи³ (Косач 2007: 267; Porath 1974: 22). В соответствии с манифестом «арабской национальной партии Турции», приведённым Н. Азури в начале своей книги, «арабская империя» должна была быть создана на территориях «от долины Тигра и Ефрата до Суэцкого канала и от Средиземного моря до Оманского залива». Хиджазский вилайет (вместе с территорией Медины) должен был стать отдельной «империей», управление которой предполагалось передать правителю, который одновременно являлся бы «религиозным халифом всех мусульман». Ливану планировалось предоставить автономию, для святых мест в Палестине и «независимых княжеств Йемена и Персидского залива» – сохранить статус-кво. Освобождение предлагалось и другим народам османской империи: курдам, армянам, албанцам и другим. Автор также просил «просвещённые и гуманные страны Европы и Северной Америки» о помощи, которая должна была заключаться в их нейтралитете и сочувствии идеям освобождения народов от притеснения «сотни турко-черкесских функционеров» (угнетающих «12 миллионов арабов»)⁴.

Характеризуя политику различных держав по отношению к Османской империи (России, Великобритании, Франции и других), а также описывая её собственную внутреннюю политику, Н. Азури особое внимание уделяет Палестине в связи со «скрытой попыткой евреев восстановить древнюю монархию Израиля в очень больших масштабах»⁵. Он описывает её географическое, экономическое, политическое, социальное положение, также характеризует те границы, в которых, по его предположению, евреи планировали восстановить своё государство⁶. Н. Азури, помимо этого, пишет об арабском национальном пробуждении⁷. Несмотря на явную для него «еврейскую угрозу», он считает главным врагом арабского национального движения именно турок, весь административный аппарат Османской империи и даже султана, действия которого он активно критикует⁸.

³ Azoury N. 1905. *Le Réveil de la Nation Arabe dans l'Asie Turque*. Paris: Librairie Plon, Plon-Nourrit et Co. P. I.

⁴ Ibid. P. I-IV.

⁵ Ibid. P. V.

⁶ Ibid. P. 7.

⁷ Ibid. P. V.

⁸ Ibid. P. 181-257.

Накануне Первой мировой войны: реформы младотурок и тайные организации

Значительные изменения, которые неизбежно затронули все категории населения Османской империи, произошли в связи с Младотурецкой революцией 1908-1909 гг. Несмотря на общность религии, а также на кооперацию, которая существовала между младотурецкими и арабскими тайными обществами до революции, после неё правительство стало проводить явную оттоманистскую, а затем пантюркистскую политику (подразумевавшую распространение и насаждение турецкого языка, а также замещение многих должностей в административном аппарате чиновниками турецкого происхождения), которая вызвала неприятие нескольких групп населения, в частности арабов (Haddad 1994: 204; Khalidi 1991: 54). Важным фактором стало проведение новым младотурецким правительством политики тюркизации в школах, судах и в административной сфере. Хотя это не было направлено против арабоязычающего населения как такового, будучи скорее частью общего расширения государственных институтов, а также общей централизации управления, подобные действия были восприняты негативно. При этом политика некоторой либерализации способствовала дальнейшему возрождению арабской культуры, созданию новых периодических печатных изданий, которые в довоенный период были основными проводниками идей зарождавшегося арабского национализма (Matthews 2006: 14).

С политикой турецких властей также было связано появление первых тайных организаций арабских националистов – самыми известными были «Аль-Фатат» и «Аль-Ахд» (Чикаидзе 2018: 133; Matthews 2006: 15-16). Первая была создана в 1909-1911 гг. группой арабских студентов, в 1911 г. учредивших её Административный комитет в Париже. Их целью было возрождение арабского народа, которое позволило бы ему приблизиться в развитии к европейским нациям. В их программе не упоминалась арабская независимость, будучи в то же время конечной целью их деятельности, поскольку во время войны они выступали за создание независимого государства на территории Месопотамии (Чикаидзе 2018: 133). Вторая же – организация арабских офицеров, созданная в 1913 году и выступавшая за арабскую независимость, уважение исламских законов и установление халифата на Ближнем Востоке (Аууад 1999: 48-49).

Ещё одной важной организацией (которая не была тайной) стала Партия за децентрализацию османской администрации, созданная в 1913 г. в Каире группой сирийских деятелей. Её филиалы появились в Сирии, Палестине, Месопотамии (Matthews 2006: 14-15). У неё было две основных цели: продемонстрировать османскому правительству необходимость децентрализации власти, а также заручиться поддержкой населения в реализации этой идеи (Аууад 1999: 49). Наряду с «Аль-Фатат» и «Аль-Ахд», она была одной из партий-организаторов Арабского конгресса, который стал первым официальным объединением всех (или большинства) арабских националистических партий накануне Первой мировой войны.

Религиозные различия не имели большого значения в развитии арабского национального движения. При том, что ислам сыграл важную роль в его появлении, даже выступления арабов Палестины против заселения её сионистами не носили явного религиозного характера (Крылов, Морозов 2017: 44). Однако в рамках арабского национализма существовало другое разделение: существовали как сторонники панарабизма, так и те, кто склонялся в сторону регионализма (в значительной степени это было характерно для населения Сирии). Одним из проявлений регионалистских тенденций было существование различных арабских националистических организаций на разных территориях: своя была в Сирии («Аль-Фатат»), в Палестине («Арабский клуб», появившийся в 1918 г.), в Месопотамии («Аль-Ахд») (Muslih 1987: 83; Roshwald 2001: 190).

В 1913 г., после переворота «Единения и прогресса» и перехода правительства к политике активной тюркизации, представители сирийских децентрализованных сил провели в Париже Первый арабский конгресс (иногда его называют «Арабским конгрессом», считая «первым» проведённый в Дамаске в 1919 г. (Quandt, Jabber, Lesch 1974: 14-15). Требования к османскому руководству, выдвинутые ими по его итогам, были достаточно общими и расплывчатыми: они включали использование арабского языка как официального, проведение местных реформ в арабских провинциях, улучшение положения арабского населения в целом (Matthews 2006: 14-16; Ayyad 1999: 50-51). Вопрос еврейской иммиграции на Ближний Восток на нём был затронут минимально, чем были недовольны представители палестинских движений, что выражалось в публикациях распространённых в этом регионе в то время газет: «Аль-Кармель» и «Филистин» (Ayyad 1999: 51-52). И в тот, и в более поздний период они были главными проводниками антиссионистских идей (Khalidi 2009: 57). Однако сам факт, что вопросу Палестины во время конгресса не было уделено достаточно внимания, говорит о том, что за пределами этой территории проблема миграции сионистов туда не считалась достаточно острой.

Великое арабское восстание и послевоенное урегулирование

Во время Первой мировой войны наиболее явным проявлением панарабского движения считается восстание под предводительством шерифа Мекки Хусейна. Однако не все исследователи с этим согласны. Есть мнение, что идеи лидеров восстания были скорее панисламскими, чем панарабскими, но даже это не привлекло значительных масс населения на их сторону (Dawisha 2003: 34-36). Мотивы шерифа Мекки, действительно, были далеки от панарабских идеалов: его планы по организации восстания были связаны, во-первых, с попыткой османских властей организовать против него заговор, чтобы утвердить свою власть в Хиджазе, а во-вторых, появлением у него сильного соперника, также претендовавшего на власть над Аравийским полуостровом, Абдель Азиза ибн Сауда (Самарская 2016: 19–20). При этом и он во время переписки с англичана-

ми, и тайные организации, сотрудничавшие с ним, намеренно преувеличивали степень своей влиятельности среди населения Османской империи: в реальности к началу Первой мировой войны все эти группы вместе взятые насчитывали не более трёх сотен членов (Matthews 2006: 15-16; Dawisha 2003: 29-30).

Однако восстание действительно сыграло важную роль: с помощью договорённостей, заключённых с англичанами (переписки Мак-Магона – Хусейна), оно помогло арабскому движению выйти на международный уровень, что было бы невозможно, если бы представители арабских националистов остались в тени. В этом случае их позиция могла бы не быть услышана вовсе, хотя, конечно, и полученные в ходе послевоенного мирного урегулирования территории не вполне соответствовали их ожиданиям. О некоторых расхождениях в объявленных панарабских идеях восстания и собственных интересах различных региональных групп говорит и итог первой послевоенной арабской конференции, проведённой в Дамаске.

Летом 1919 г. представители трёх оккупированных арабских зон (восточной, южной и западной)⁹ провели Всеобщий сирийский конгресс, по итогам которого была принята так называемая «Дамасская программа»¹⁰ (Чикаидзе 2018: 134; Фомин 2010: 89), в соответствии с которой на территориях современной Сирии, Иордании и Израиля должно было быть создано независимое сирийское государство во главе с королём Фейсалом. В случае, если требование полной независимости было бы отклонено Лигой наций, допускалось получение экономической и технической помощи со стороны державы-мандатария, которой могли бы стать либо США, либо, в случае их отказа, Великобритания, но определённо не Франция, любые права которой на сирийские территории категорически отрицались. При этом отделение от Сирии любых территорий, будь то Палестина (с формулировкой «южная часть Сирии, известная как Палестина») или Ливан назывались неприемлемыми. Особенные возражения выдвигались против создания еврейского государства («*commonwealth*») в южной части Сирии, сионистской иммиграции «в любую часть ... страны» и сионистской идеи в целом. В то же время в документе подчёркивалось, что, во-первых, евреи были представлены на Конгрессе, а во-вторых, что права евреев, уже проживавших на сирийской территории, никак не должны быть и не будут ущемлены. Отдельно выделялся вопрос Месопотамии, которая также должна была стать независимой, а также необходимости отсутствия экономических барьеров между ней и Сирией. Значительный акцент в «Дамасской программе» делался на идеях Вудро Вильсона как на основе притязаний сирийского народа и как гарант их реализации¹¹.

⁹ Resolutions of the Syrian General Congress at Damascus, 2 July 1919 [Электронный ресурс]. Erenow. Modern History. URL: <https://erenow.net/modern/the-modern-middle-east-a-history/30.php> (accessed 12.08.2019)

¹⁰ Аксёнов А.А. Перспективы послевоенной Сирии: конституция и государственно-политическое устройство / РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-poslevoennoy-sirii-konstitutsiya-i-gosudarstvenno-politicheskoe-ustroystvo/> (дата обращения: 12.08.2019)

¹¹ Resolutions of the Syrian General Congress at Damascus, 2 July 1919. Erenow. Modern History [Электронный ресурс]. URL: <https://erenow.net/modern/the-modern-middle-east-a-history/30.php> (accessed 12.08.2019)

Необходимо отметить, что в тексте документа не идёт речи о создании единого арабского государства – в этом смысле он является проявлением скорее регионалистского, чем панарабского направления арабского национализма. В нём также, как мы видим, отсутствует выделение палестинских арабов как особой этноконфессиональной группы, что позволяет говорить о том, что интересы населения Сирии и Палестины тогда ещё не были разделены. При этом, как уже упоминалось выше, в Палестине были как свои печатные издания, так и свои националистические организации. В феврале 1919 г. местные политические группы организовали Всепалестинскую конференцию, или Палестинский арабский конгресс, на котором было поддержано включение Палестины в независимую Сирию и избраны делегаты для Всеобщего сирийского конгресса в Дамаске (Quandt, Jabber, Lesch 1974: 190).

Одним из свидетельств того, что арабское движение стало игроком, роль которого приходилось учитывать на политической арене (в первую очередь благодаря принципам «новой дипломатии», но также вследствие активных контактов его представителей с британскими политическими деятелями во время Первой мировой войны), был ряд британских деклараций, одна из которых была выпущена совместно с Францией в конце 1918 г. В официальном заявлении Союзники объявили своей задачей в отношении народов Османской империи их освобождение, создание национальных правительств и администраций на базе свободного выбора местного населения, их экономическое и социальное развитие¹². Это вполне соответствовало духу «новой дипломатии», хотя имело мало отношения к реальным намерениям Союзников (Fieldhouse 2006: 59): их целью было ослабление подозрений арабов (а также Соединённых Штатов) и, соответственно, получение возможности действовать в своих интересах под благовидным предлогом. Другие британские декларации, выпущенные в 1918 г. (включая «сообщение Хогарта»¹³, «Декларацию к Семи»¹⁴, а также заявление генерала Эдмунда Алленби, обращённое к эмиру Фейсалу), имели аналогичные цели.

Летом 1919 г. на Ближний Восток по инициативе США была отправлена комиссия Кинга – Крейна (официально названная Международной комиссией по мандатам в Турции), целью которой было определение мнения местного населения относительно будущей организации политического управления на этой территории. Предложение об отправке этой комиссии поступило от эмира Фейсала, который на Парижской конференции пытался продвигать идею создания ближневосточного арабского государства на основе принципа национального самоопределения, провозглашённого Вильсоном в его Четырнадцати пунктах, что президент Америки активно поддержал.

¹² Anglo-French Declaration (November 7, 1918). the Balfour Project [Электронный ресурс]. URL: <http://balfourproject.org/anglo-french-declaration/> (accessed 12.08.2019)

¹³ Hogarth Message (January 4, 1918). – A Survey of Arab-Israeli Relations 1947-2001. Ed. by David Lea. London: Europa Publications Limited, 2002. P. 260-261.

¹⁴ The Declaration to the Seven (June 16, 1918). – Antonius George. The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement. Philadelphia: J.B.Lippincott Company, 1938. P. 433-434.

Выводы этой комиссии в целом оказались крайне невыгодны как для Франции, так и для Великобритании: Палестину население и Сирии, и Палестины предпочло бы видеть включённой в состав Сирии, что не соответствовало более ранней договорённости Союзников; создание еврейского государства там не поддерживалось подавляющим большинством опрошенных местных жителей; многие высказались за предоставление независимости Месопотамии (которую Великобритания была намерена включить в сферу своего влияния); независимый Великий Ливан (который планировала создать Франция) выбрала лишь незначительная часть населения; любой форме иностранного контроля подавляющее большинство опрошенных предпочло полную независимость¹⁵.

Рекомендации комиссии, вынесенные в финальный отчёт, несколько расходились как с мнением, выраженным населением, так и с интересами Великобритании и Франции (а потому были опубликованы лишь в 1922 г.): Сирия должна была остаться единой, но управляться при этом страной-мандатарием (одним – во избежание какого-либо её раздела); главой нового Сирийского государства предлагалось сделать эмира Фейсала. Помимо этого, сионистская программа должна была быть пересмотрена: иммиграцию евреев в Палестину рекомендовалось значительно ограничить (во избежание конфликта с местным населением), саму территорию предлагалось включить в объединённую Сирию, а идею создания еврейского государства там исключить в принципе как невыполнимую¹⁶.

Вопрос сионизма для арабского населения Сирии и Палестины стал ключевым лишь в послевоенный период, поскольку до войны активизировавшаяся еврейская иммиграция в Святую землю беспокоила преимущественно жителей Палестины. В целом же палестинский и арабский национализм возникли не как реакция на еврейский. Декларация Бальфура актуализировала эту проблему для арабского населения Османской империи и вызвала их беспокойство. Вопрос был не в религии евреев, не в их происхождении, а в идее, которую они принесли с собой. Для жителей Ближнего Востока сионисты стали чужаками, проводниками европейских колониальных стремлений (Joffé 1983: 157-158). Это восприятие прослеживалась и в реакции шерифа Хусейна (Friedman 2012: xi) и его сына Фейсала (Citron 2007: 82) на публикацию декларации Бальфура: их отношение к евреям в целом, к еврейским ближневосточным общинам и даже к новым переселенцам как таковым не стало отрицательным (Kedourie 2000: 222), однако неприятие вызвала сама идея создания «национального очага для еврейского народа» (а тем более государства), потому что в этом они увидели (и небезосновательно) угрозу для единого арабского государства, на возникновение которого они всё ещё надеялись.

¹⁵ The King – Crane Commission Report (August 28, 1919) [Электронный ресурс]. URL: <http://hri.org/docs/king-crane/Syria.html> (accessed 12.08.2019)

¹⁶ Recommendations of the King – Crane Commission (August 28, 1919). – A Survey of Arab-Israeli Relations 1947-2001. Ed. by David Lea. P. 262-264.

Позиции формальных лидеров арабского национального движения, представителей различных националистических групп и арабского населения в целом не всегда совпадали. С одной стороны, эмир Фейсал был готов идти на очень многие уступки для сохранения британской поддержки: он всячески выражал лояльность британскому правительству даже после того, как его представители не предприняли никаких действий для укрепления его позиций в Сирии; помимо прочего, он был вынужден подписать не очень выгодное для себя соглашение с французской администрацией. С другой, представители «крайних» позиций продолжали придерживаться «Дамасской программы» и претендовали не только на арабское государство на всех территориях, указанных в переписке МакМагона – Хусейна (Фомин 2010: 89-91), но и либо на полную политическую независимость, либо на введение мандатной системы при условии, что страной-мандатарием должны были стать либо США, либо Великобритания, но не Франция¹⁷.

Шериф Мекки Хусейн и его сыновья во время Первой мировой войны стали лидерами, во многом объединившими стремления нескольких местных арабских националистических организаций Ближнего Востока. В послевоенный период именно эмир Фейсал выступал за панарабскую консолидацию, несмотря на различные силы, которые могли этому помешать. При этом он оказался достаточно гибким политиком, заключившим несколько соглашений, не всегда выгодных для него, которые, однако, позволили ему какое-то время оставаться формальным лидером арабского движения в Сирии, представлявшим его интересы на международной арене. Первой была договорённость с лидером британских сионистов Хаимом Вейцманом, которая должна была способствовать кооперации в создании независимого арабского государства на территории Сирии и Месопотамии и «еврейского национального очага» в Палестине, что фактически означало признание Фейсалом отделения Палестины от Сирии¹⁸.

Ещё одно соглашение Фейсал заключил осенью 1919 г. с французским премьер-министром Жоржем Клемансо. В соответствии с ним, Франция признавала право Сирии на независимое существование и управление, однако та должна была находиться под фактическим французским покровительством¹⁹. Оговорённые условия в целом незначительно отличались от существовавших франко-тунисских или франко-алжирских отношений – то есть режима протектората (Fieldhouse 2006: 61). Однако это соглашение в итоге не смогло гарантировать создание относительно самостоятельного сирийского государства и сохранение власти Фейсала над ним: в том же году во Франции сменилось правительство,

¹⁷ Resolutions of the Syrian General Congress at Damascus, 2 July 1919. Erenow. Modern History [Электронный ресурс]. URL: <https://erenow.net/modern/the-modern-middle-east-a-history/30.php> (accessed 12.08.2019)

¹⁸ Agreement between Emir Feisal and Dr. Weizmann (January 3, 1919). The Balfour Project [Электронный ресурс]. URL: <http://balfourproject.org/agreement-between-emir-feisal-and-dr-weizmann/> (accessed 12.08.2019)

¹⁹ Accord Provisoire entre le gouvernement de la République française et l'émir Feysal (06/01/1920). TRA19200055. La base Traités et Accords de la France [Электронный ресурс]. URL: https://basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/recherche/mae_internet__traites (accessed 12.08.2019)

к власти пришли политики, в большей степени, чем Клемансо, настроенные на расширение французской сферы влияния. Окружение Фейсала сумело в 1920 г., после провозглашения его королём независимой Сирии, заставить его занять более жёсткую позицию, в соответствии с которой Франция не могла иметь в Сирии никакого влияния, а тем более не должна была включать её в рамки своего мандата. Подобная политика закончилась крахом, изгнанием Фейсала с французской территории и окончательным разделением бывшей провинции Сирия. Планы палестинцев на создание общего с сирийцами государства, таким образом, были разрушены, поэтому вскоре после перехода Сирии под французский контроль единение организаций арабских националистов распалось, поскольку их сил и желания оказалось недостаточно для создания панарабского пространства (Muslih 1987: 83-85).

Заключение

Панарабизм как направление арабского национализма – движение, уходящее корнями в середину XIX в. Начавшись с культурного возрождения и религиозных реформ, к началу Первой мировой войны он сформировался как светское течение, противопоставившее себя политике османских властей и выдвинувшее идею о потенциальной политической самостоятельности арабов Турции. В то же время в тот период оно не было ни массовым, ни обладающим достаточно чёткими целями и программой. Его оформлению способствовало Великое арабское восстание, которое позволило вывести его на международный уровень и продемонстрировать мировым державам, что это явление, с которым необходимо считаться при определении своей политики на Ближнем Востоке. Важным фактором, которое позволило этому произойти, стали изменения международной обстановки, в значительной степени связанные с политикой Соединённых Штатов, провозгласивших необходимость поддержки национального самоопределения освобождённых народов.

Однако, не успев возникнуть как единое движение, панарабизм был раздроблен на региональные группы (тенденция, которая существовала и до войны, но была стимулирована политикой Великобритании и Франции по разделению Ближнего Востока на зоны влияния), которые, в связи с этим, были вынуждены развиваться в рамках отчасти искусственно созданных «государств» и самостоятельно справляться со своими внутренними проблемами. Так, например, палестинский национализм, который зародился как одна из местных националистических групп в рамках панарабского движения, однако имел свои особые черты уже к началу Первой мировой войны, после неё на рубеже 1910-х – 1920-х гг. стал в значительной степени отдельным течением. Одной из проблем, которые отделили его от сирийского арабского движения в целом, стал вопрос сионизма и активной еврейской иммиграции в Палестину. При этом нельзя сказать, что его формирование стало реакцией на сионизм. И до Первой мировой войны он

был частью арабского движения, которое относительно естественным образом развилось под влиянием европейских националистических идей, арабской Нахда, а также в ответ на националистическую политику турецких властей.

Об авторе:

Людмила Максимовна Самарская – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23; аспирантка Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая д. 11 стр. 1. E-mail: saluma@bk.ru.

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях глобальных и региональных угроз», проект 17-18-01614.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: June 28, 2019

Accepted: August 15, 2019

Arab Nationalism in Palestine in the Beginning of the 20th Century

L.M. Samarskaia

DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-54-71

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is dedicated to the emergence of the Arab national movement at the beginning of the 20th century. This topic is still relevant in our days since revealing the origins of political and social processes in the Middle East of the 21st century is necessary for their understanding. The main issues which are considered by the author are the following: which factors had crucial influence on the emergence of Arab nationalism (panarabism as well as regionalism), when exactly it was formed and what were the specifics of its emergence in Palestine.

The author defines three main periods in the genesis and formation of the Arab national movement at the beginning of the 20th century. The first is the Nahda, the Arab cultural revival of the second half of the 19th century, which became a foundation for the later development of nationalist ideas. However, the author tries to show that the cultural revival itself was not nationalistic. The second key period is the political expression of the Arab national movement in the first decades of the 20th century, with the ottomanist and later pan-Turkist policy of the Ottoman government having the decisive influence. This policy was nationalist in essence. Zionism, as noted in the text, was not such an important issue for the nascent

pan-Arab movement before the First World War, although it caused concern among the locals in Palestine. The third key stage, that was decisive in the Arab national development, is the Great Arab Revolt, which, despite the fact that it was not massive and universal, forced the pan-Arab movement enter the international arena for it attracted the attention of the great powers – mainly with the help of McMahon–Hussein correspondence. In result, during the postwar settlement, pan-Arabism became more popular and internationally recognised phenomenon, although eventually it happened to be divided into a multitude of regional movements, in particular – Palestinian nationalism fostered by the Anglo-French division of influence zones in the Middle East.

In general, the formation of the Arab national movement was a multidimensional and gradual phenomenon influenced by a variety of factors. At the same time, the emergence of the regional groups had its own specifics; originally belonging to the Pan-Arab movement, although with their own features, after the First World War these groups became largely independent.

Key words: Middle East, Arab nationalism, pan-Arabism, the Nahda, pan-Turkism, Palestine, Zionism, the Great Arab Revolt, the First World War

About the author:

Liudmila M. Samarskaia – Junior Researcher, Centre for the Middle East Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23 Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997; Postgraduate Student, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya street, bld. 1, Moscow, Russia, 125009). E-mail: saluma@bk.ru.

The study was supported by the RSF grant “Problems and Prospects of International Legal Transformations of the Middle East in the Context of Global and Potential Threats”, Project No. 17-18-01614.

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

References

- Al-Azmeh A. 1995. Nationalism and the Arabs. *Arab Studies Quarterly*. No. 17(1/2). P. 1-17.
- Anderson B. 2006. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. 240 p.
- Antonius G. 1938. *The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement*. Philadelphia: J.B. Lippincott Company. 471 p.
- Arab Nationalism: An Anthology*. 1974. Ed. by Sylvia G. Haim. Berkeley: University of California Press. 255 p.
- Ayyad A. 1999. *Arab Nationalism and the Palestinians 1850-1939*. Jerusalem: PASSIA Publication. 188 p.
- Citron S. 2007. Ktav Ashma: Ha-Sikhsukh ha-Aravi-Israeli be-Perspektiva Historit. Yerushalaim: Gefen Beyit Hotsaa le-Or.
- Commings D. 1986. Religious Reformers and Arabists in Damascus, 1885-1914. – *International Journal of Middle East Studies*. No. 18(4). P. 405-425.
- Dawisha A. 2003. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Woodstock: Princeton University Press. 368 p.
- Dawn C.E. 1991. *The Origins of Arab Nationalism*. The Origins of Arab Nationalism. Ed. by Rashid Khalidi, Lisa Anderson, Muhammad Muslih and Reeva S. Simon. New York: Columbia University Press. 325 p.

- Evered E.Ö. 2012. *Empire and Education under the Ottomans: Politics, Reform, and Resistance from the Tanzimat to the Young Turks*. London: Tauris & Co Ltd. 333 p.
- Fieldhouse D.K. 2006. *Western Imperialism in the Middle East 1914-1958*. New York: Oxford University Press. 376 p.
- Friedman I. 2012. Mediniuta ha-Pan-Aravit shel Britania 1915-1922: Haarakha Bikoratit. Yerushalaim: Hotsaat Sfarim Ash. Il. Magnes.
- Gelvin J. 2011. *The Modern Middle East: A History*. New York: Oxford University Press. 432 p.
- Haddad M. 1994. The Rise of Arab Nationalism Reconsidered. *International Journal of Middle East Studies*. No. 26(2). P. 201-222.
- Joffé E.G.H. 1983. Arab Nationalism and Palestine. *Journal of Peace Research*. No. 20(2). P. 157-170.
- Kedourie E. 2000. *In the Anglo-Arab Labyrinth: The McMahon – Hussein Correspondence and its Interpretations 1914-1939*. Abingdon: Frank Cass Publishers.
- Khalidi R. 1991. Ottomanism and Arabism in Syria before 1914: A Reassessment. – *The Origins of Arab Nationalism*. Ed. by Rashid Khalidi, Lisa Anderson, Muhammad Muslih and Reeva S. Simon. New York: Columbia University Press.
- Khalidi R. 2009. *Palestinian Identity: the Construction of Modern National Consciousness*. New York: Columbia University Press. 310 p.
- Lewis B. 2002. *The Arabs in History*. New York: Oxford University Press. 256 p.
- Mandel N.J. 1976. *The Arabs and Zionism before World War I*. Berkeley: University of California Press. 282 p.
- Matthews W.C. 2006. *Confronting an Empire, Constructing a Nation*. London: I.B. Tauris & Co Ltd. 300 p.
- Muslih M. 1987. Arab Politics and the Rise of Palestinian Nationalism. – *Journal of Palestine Studies*. No. 16(4). P. 77-94.
- Porath Y. 1974. *The Emergence of the Palestinian-Arab National Movement 1918-1929*. London: Frank Cass and Company Limited. 406 p.
- Quandt W.B, Jabber F., Lesch A.M. 1974. *The Politics of Palestinian Nationalism*. Berkeley: University of California Press.
- Roshwald A. 2001. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914-1923*. London: Taylor&Francis e-Library. 288 p.
- Kosach G.G. 2007. Arabskii natsionalizm ili arabskie natsionalizmy: doktrina, etnonim, varianty diskursa [Arab Nationalism or Arab Nationalism: the Doctrine of the Word, Variants of Discourse.]. *Natsionalizm v mirovoi istorii*. Ed. by V.A. Tishkov, V.A. Shnirel'man. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN. Moscow: Nauka. P. 259-332. (In Russian)
- Krylov A.V., Morozov V.M. 2017. Islamskii faktor v politicheskom razvitií Palestiny [The Islamic Factor in the Political Development of Palestine.]. *Missiya konfessii*. No. 21. P. 39-55. (In Russian)
- Samarskaya L.M. 2016. Deklaratsiya Bal'fura v kontekste anglo-sionistskoi diplomatii v period Pervoi mirovoi voyny [The Balfour Declaration in the Context of Anglo-Zionist Diplomacy during the First World War.]. Moscow: IV RAN. 84 p. (In Russian)
- Fomin A.M. 2010. Derzhavy Antanty i Blizhnii Vostok v 1918-1923 godakh [Entente Powers and the Middle East in 1918-1923]. *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 4. P. 77-94. (In Russian)
- Chikaidze Ts.M. 2018. Politicheskaya transformatsiya Blizhnego Vostoka posle Pervoi mirovoi voyny [Political Transformation of the Middle East after the First World War]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 132-138. (In Russ.)

Список литературы:

- Косач Г.Г. 2007. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса. *Национализм в мировой истории*. Под ред. В.А. Тишкова,

В.А. Шнирельмана. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. С. 259-332.

Крылов А.В., Морозов В.М. 2017. Исламский фактор в политическом развитии Палестины. *Миссия конфессий*. № 21. С. 39-55.

Самарская Л.М. 2016. *Декларация Бальфура в контексте англо-сионистской дипломатии в период Первой мировой войны*. Москва: ИВ РАН. 84 с.

Фомин А.М. 2010. Державы Антанты и Ближний Восток в 1918-1923 годах. – *Новая и новейшая история*. № 4. С. 77-94.

Чикаидзе Ц.М. 2018. Политическая трансформация Ближнего Востока после Первой мировой войны. – *Гуманитарные и юридические исследования*. № 1. С. 132-138.